

Глава 75. Комар

За окном пышная бамбуковая роща, приглашённая ветром, покачивалась в танце. Косые тени ложились на бумагу окна и лениво, томно скользили туда-сюда.

Ладонь Фу Линцзюня, лежавшая у Цзян Тана на спине, медленно скользнула ниже, мягко обхватила тонкую талию, чуть приподняла, притянула к себе — и хрупкий, тонкий юноша тут же упал прямо к нему в объятия.

— Мм...

Цзян Тан целиком оказался у Фу Линцзюня на руках. Сжав ноги, он всё равно понемногу сползал вниз под тяжестью собственного тела, так что в итоге почти весь навалился на него и даже уткнулся головой ему в плечо.

Два алых пятна стремительно вспыхнули у него на щеках и тут же поползли к ушам.

Цзян Тан и правда чувствовал, что поза эта слишком уж неприличная, и попытался выпрямиться или хотя бы сесть как-нибудь не настолько близко.

Но рука у него на спине держала крепко, а потом ещё и мягко потёрла лопатку, так что все силы у него словно разом исчезли.

— Не уходи, — голос Фу Линцзюня был низким и глухим, с чуть слышной уязвимой хрипотцой.

Его волосы щекотали Цзян Тану шею — мягко, скользко.

Цзян Тан весь застыл.

У Фу Линцзюня страшно болела голова, а у него самого в мыслях творилось одно сплошное непотребство.

У-у-у, это же совсем никуда не годится. Он, оказывается, безнадежный мелкий извращенец, у которого в голове одна похоть.

Он прекрасно понимал, что не должен думать ни о чём лишнем, но такая поза и правда слишком испытывала его терпение. Вот как сам босс это выдерживает? Он же сел к нему почти на колени, а у того вообще никакой реакции. Это что, железная выдержка... или он просто... не может?

Нет-нет, как он вообще может в такую минуту думать о том, может босс или не может! Стоп. Немедленно стоп!

Цзян Тан глубоко вдохнул, пытаясь прийти в себя. Но не прошло и секунды, как он снова поплыл от красоты так близко — голова кругом, душа не на месте.

Ну и ладно. Даже если у него и правда нечистые мысли, это ведь не мешает ему быть просто живым аккумулятором, да? И... и даже если у босса правда с чем-то там не всё в порядке, он вовсе не станет его за это презирать! Он человек поверхностный: пока есть красивое лицо, ему уже всего достаточно!

Так они и просидели в этой странной, но почему-то удивительно гармоничной позе довольно долго. В конце концов Цзян Тан весь затёк и под приятным холодным ароматом начал клевать носом.

Не потому что он вечно только ест да спит. Просто быть вот так зажатым у босса в объятиях оказалось слишком удобно, а запах от него исходил слишком уж убаюкивающий. Маленький пёсик не выдержал этой сонной отрады и, полностью расслабившись, уснул.

Наверное, во всём мире не нашлось бы человека с сердцем спокойнее и снов длиннее, чем у него.

Маленькая мочка уха, прежде раскрасневшаяся от волнения, понемногу остыла и снова стала ослепительно белой.

Фу Линцзюнь опустил взгляд на эту вновь побледневшую красивую мочку, и в его глазах густо шевельнулось подавленное желание. Спустя долгое мгновение у него качнулся кадык, и он наклонился, взяв эту белую, как нефрит, мочку губами.

Тепло от прикосновения тут же разошлось по коже.

Температура, которая уже почти спала, вспыхнула снова.

Мало того, он ещё и нарочно прикусил её пару раз. Зубы прошлись по горячей мочке, потом отпустили.

Мочка, ещё недавно белая как нефрит, покраснела так, будто вот-вот закапает кровью.

Но Фу Линцзюню и этого, кажется, оказалось мало. Он снова куснул её дважды, раз за разом добиваясь, чтобы маленькая мочка стала совсем алой и даже чуть припухла. Только тогда он удовлетворённо отпустил её.

...

С другой стороны, Е Чжэнвэнь, которого как раз поймали с поличным Цзян Чанъюань и Янь Цунси, теперь изо всех сил вцепился в рукав дяди Цзяна. Они шли по одной и той же дороге, но на собственного дядю он демонстративно даже не смотрел.

— Ах ты, паршивец! Только попадись мне, и тебе мало не покажется! — Янь Цунси всю дорогу сдерживался, не в силах из-за стоявшего между ним и Е Чжэнвэнем Цзян Чанъюаня схватить этого напрашивающегося на трёпку пацана и как следует отлупить.

— Бе! Не слышу, не слышу! — Е Чжэнвэнь высунул язык и мгновенно опять спрятался.

Янь Цунси от злости уже начал закатывать рукава, будто и правда собирался приступить к воспитанию ребёнка, но вдруг заметил впереди главу какого-то рода, который ждал его с угодливой улыбкой. Он тут же опустил рукава, кашлянул и снова принял величественный вид главы секты Ляньи.

— Иди, — с улыбкой сказал Цзян Чанъюань. — Я устрою Чжэнвэня и тоже подойду в Зал Небесных Тайн. Только не опоздай.

Янь Цунси кивнул и направился к ожидавшему неподалёку главе рода.

С тех пор как Пир Десяти Сторон превратился в день изящных бесед и рассуждений о Дао, первоначальный замысел — помогать небольшим сектам и школам — уже нельзя было выставлять напоказ. Сегодня здесь собрались представители самых разных сил, и тем, кому что-то было нужно, уместнее было говорить об этом наедине.

Цзян Чаньюань и Янь Цунси давно были близки, и просить о чём-то можно было любого из них. К тому же все давно заметили, что Янь Цунси мягкосердечен и охотно на многое соглашается, так что с делами предпочитали идти именно к нему.

Как, например, сегодня.

— ...Этот Лин слышал, что после того, как тот дьявол Фу Шэн вырезал Цзэян, духовная жила Тяньвэньхая была временно передана под управление секты Лянъи и её дальнейшая судьба до сих пор не решена... В области Кайюнь духовные жилы уже почти сто лет истощаются, нам и правда скоро станет не на что опереться. Не мог бы глава Янь принять решение и передать бесхозный Цзэян Кайюню? Наши области как раз соседствуют — всем будет только на пользу...

Человек говорил это осторожно, внимательно следя за выражением лица Янь Цунси.

В душе у Янь Цунси уже поднялось раздражение, но внешне он ничем этого не показал и лишь мягко ответил:

— Духовная жила Тяньвэньхая и правда пока находится под временным управлением секты Лянъи, но если тот юный господин из рода Сун сумеет сформировать золотое ядро и вновь зажечь жилу Тяньвэньхая, то Цзэян всё равно останется опорой рода Сун. Он ещё ребёнок, но у него большое будущее. Лучше присмотритесь к другим бесхозным духовным жилам Северного Водного материка. Когда придёт время, секта Лянъи непременно выступит и выделит новую жилу вашему роду Линь.

То есть отказал он совершенно недвусмысленно.

Угодливая улыбка на лице главы области Кайюнь Линь Янтяня застыла, но потом он поспешно закивал, уверяя, что просто сгоряча вспомнил о соседнем бесхозном Цзэяне и не имел в виду ничего дурного.

Ещё немного обменявшись любезностями, Янь Цунси ушёл первым. Линь Янтянь, глядя ему вслед, глубоко выдохнул, словно принял какое-то решение. В его глазах мелькнули раздражение и обида, и он быстрым шагом направился к Залу Небесных Тайн.

К этому времени в самом Зале Небесных Тайн, в обители Десяти Сторон, главы родов и сект, которые виделись друг с другом всего раз в год, уже успели обменяться приветствиями и под руководством мальчиков-служек рассестись по местам.

Когда-то пир Цзян Чаньюаня проходил прямо в секте Лянъи, но после того как он стал владыкой области Цянькунь, место перенесли в обитель Десяти Сторон. Её выстроили так, чтобы она могла вместить множество заклинателей: просторно, много комнат, а Зал Небесных Тайн ради такого сбора сил всех сторон сделали особенно широким и светлым. Все могли сидеть рядами, перед каждым уже стояли лёгкое вино и сладости, и атмосфера с виду царила на редкость мирная.

— Жаль всё-таки Тан Лиэр из секты Цветов... Она ведь была, пожалуй, самой одарённой на Южном Огненном материке за последнюю тысячу лет. Совсем молодой сумела сформировать золотое ядро, а ещё до ста лет поднялась в область Преображения Духа. Я уж думал, она станет шестым даосским святым этой эпохи. А вышло так, что слишком долго скрывала своего внутреннего демона. Пока глава секты Цветов пошёл просить главу Хуаньюнь изготовить пиллюлю разрушения демона, она уже не выдержала... Жаль, очень жаль.

Хозяин обители ещё не пришёл, и заклинатели, явившиеся раньше, после обязательных

приветствий начали время от времени обсуждать крупные события, произошедшие в Пределах Люхэ за этот год.

Первым делом заговорили именно о гибели юной гениальной Тан Лиэр с Южного Огненного материка.

Святых так мало вовсе не потому, что по-настоящему одарённые люди редки. Просто прежде чем перейти в область святого, заклинатель обязан собственноручно убить своего внутреннего демона. Он рождается из желаний — денег, страсти, родственных уз, власти... любой привязанности. Если не сумеет отпустить, внутренний демон будет становиться всё сильнее вместе с ростом культивации хозяина, а иногда и вовсе может оформиться как вторая душа в одном теле, пока человек не взорвётся и не погибнет.

Именно так погибла Тан Лиэр.

— Пятым святым этой эпохи, — тихо поправил кто-то. — Не оговаривайтесь.

Только тут тот человек вспомнил, что даосский святой из Лошу, Ци Юаньлан, уже мёртв, и в испуге тут же захлопнул рот.

В этот раз люди из Лошу тоже прибыли. Во главе был новый глава рода, младший брат Ци Юаньлана — Ци Юанькунь.

Кто-то осторожно покосился в его сторону. Видя, что он сидит с мрачным лицом, тотчас отвёл взгляд.

— Раз уж зашла речь о внутреннем демоне... Он есть у каждого. Просто материалы для пилюли разрушения демона слишком трудно собрать, а каждая такая варка страшно истощает главу Му. В последние годы я и сам смутно ощущаю приближение прорыва, но не решаюсь продолжать культивацию. Если до конца жизни так и останусь на этом уровне, то и ладно...

— Есть, впрочем, один род, чьих людей внутренний демон никогда не тревожил.

Тот сразу заинтересовался:

— Какой род?

— Кхм... Это уже почти десять тысяч лет назад было. Род Фу из Гуанлина. Говорят, что прямые потомки у них имели Истинное Духовное Пламя, охранявшее душу, а потому внутренние демоны у них не возникали.

Кто-то тут же насмешливо повысил голос:

— Как это не возникали? Если Истинное Духовное Пламя и правда защищает душу, то почему же Фу Шэн дошёл до такого безумия?

Именно в этот момент в Зал Небесных Тайн вошёл Хуай Шоусинь.

Едва услышав имя Фу Линцзюня, он сразу помрачнел. Служка провёл его к месту, и тот одним махом опрокинул чашу лёгкого вина.

Кто-то всё ещё страшился этого имени, кто-то, напротив, относился с пренебрежением, и зал сразу наполнился шумом, будто сами слова «Фу Шэн» и были величайшим поводом для спора.

Хуай Шоусинь подряд осушил три чаши вина и только тогда перевёл дух, украдкой взглянув в одну сторону.

Там сидел глава рода Гу из Цзяньлиня. Город Цэньнань находился именно в пределах Цзяньлиня.

С того самого момента, как Хуай Шоусинь вошёл, глава рода Гу не спускал с него глаз. Получив этот взгляд, он едва заметно кивнул. А потом, когда все наперебой обсуждали Фу Шэна, вдруг тяжело вздохнул:

— Эх, о чём вы говорите, меня мало касается. Цзяньлинь и так уже еле сам держится.

Несколько родов, дружных с Гу, тут же принялись расспрашивать, что произошло.

— Вы и сами знаете: не так давно в городе Цэньнань на территории Цзяньлиня объявился злой дух, заслонивший собой небо. Из-за него я буквально ни днём ни ночью покоя не знаю, — глава рода Гу, говоря это, налил себе ещё вина и с мрачным видом осушил чашу.

— Но разве святой Хуай не помогал Цзяньлиню в этом деле? — спросил кто-то.

Именно этого вопроса глава Гу и ждал. На лице у него вдруг проступила трусливая нерешительность, словно он не осмеливался заговорить вслух:

— Но... но у того злого духа была одна странность...

— Какая ещё странность?

Глава Гу замахал руками: мол, такое и сказать нельзя.

Чем сильнее он отнекивался, тем сильнее распалаял окружающих. Под конец уже почти весь зал смотрел в его сторону и, перебивая друг друга, подгонял его говорить. Только тогда глава рода Гу театрально покосился на дверь, поднёс руку ко рту и тихо сказал нескольким знакомым главам:

— Вы не знаете, но этот злой дух... всё время бормотал заклинание святого для успокоения сердца и изгнания демонов! Я сам чуть не умер от страха. По всем законам, кроме святого, этого заклятия никто не знает. А уж откуда бы его знать злему духу, пожирающему души людей с чисто-иньской судьбой!

Разумеется, сперва ему не поверили. Кое-кто и вовсе решил, что он от страха уже бредит.

— Да вы не верите, а зря! — глава рода Гу вынул из своей жемчужины Нахай квадратную коробочку, открыл её — и в зале возникла проекция.

Это было огромное демоническое лицо из бледных обиженных душ, распластанное по чёрному ночному небу. Сверху обрушивался огонь, способный выжечь весь небосвод, и жарил злого духа так, что тот трескался с пронзительным скрежетом.

Дух выл — остро, пронзительно, жутко, — но в этом вое странным образом звучали сдержанность и торжественность, поразительно похожие на манеру Цзян Чаньюаня, когда тот произносил заклятия.

«Великая звезда на небесной террасе, откликайся без промедления!»

«Пусть три души пребудут вовеки, пусть по неволе не склонятся семь духов!»

И затем изображение исчезло.

Это была проекционная запись высокого ранга. Потратив много духовной силы, можно было сохранить кусок картины и потом просматривать его вновь, если хватало сил.

Многие в зале действительно побледнели от увиденного.

Разумеется, пугал их не сам злой дух, а несколько строк заклинания из его пасти.

— Это... и правда заклятие, созданное самим святым. Боюсь, в Пределах Люхэ, кроме него, никто не сможет его применить... — кто-то проговорил почти шёпотом.

Стоило одному сказать это, как за ним тут же повторили и другие.

После этой записи у многих в зале появилось смутное, но вязкое чувство страха. Ни злой дух, ни сама проекция ничего не объясняли до конца, но под чужим тонким подталкиванием у всех невольно родилось странное опасение перед призраком, бормочущим святое заклинание.

Сидевший в углу с холодным лицом и молча пивший Ци Юанькунь чуть поднял голову. Он вложил в голос духовную силу, так что слова разнеслись по каждому уголку зала.

— Кроме святого, такое заклятие наверняка знает и глава Янь из секты Лянъи, — холодно хмыкнул он. — Разве они не были ближайшими друзьями?

Кто-то растерялся, но всё же нерешительно кивнул:

— И правда ходили слухи, что в ранние годы глава Янь учился у святого, а потом, благодаря выдающемуся таланту, быстро вступил в область святого и стал его другом...

— Значит, по-вашему, глава Янь тоже знает это заклятие?

На лице Ци Юанькуня появилась презрительная усмешка:

— Неужели вы забыли, что в ущелье Жисы, которое подавляет глава Янь, вырастили столько чудовищной нечисти? А в итоге всю вину за неё свалили на мой Лошу, и мой старший брат Ци Юаньлан непонятно как погиб именно в ущелье Жисы! Где тут может быть такая уж случайность? Откуда у моего брата взялся бы ключ к его духовному миру? Вы и правда верите, что у него под носом творились такие грязные мерзости, а он ничего не знал?!

Брови Хуай Шоусиня сошлись.

Что вообще происходит с Ци Юанькунем? Он столько сил потратил, чтобы перевести разговор на Цзян Чаньюаня, — а тот вдруг вмешался и потащил вниз ещё и Янь Цунси.

Неужели за эти дни, пока Фу Линцзюнь исчезал неизвестно где, он успел побывать и в Лошу?

Но зачем?

Фу Линцзюнь, о котором так думал Хуай Шоусинь, в этот момент лениво развалился в широком мягком кресле, прижимая к себе безвольного, словно без костей, юношу. Бледная рука то и дело лениво скользила у него по спине, ощущая сквозь тонкую ткань одежды упругую живую теплоту. Измученное сознание постепенно успокаивалось и утихало.

Цзян Тан понемногу просыпался после дневного сна, голова у него была ещё ватной.

Он протёр рот, не нащупал слюны и, чувствуя сухость, облизнул губы.

Учуяв приятный аромат, Цзян Тан потёрся в объятиях Фу Линцзюня, и мочка уха, задев ткань одежды, почему-то ощутимо кольнула.

Он поднял руку и потрогал её.

Мм.

Немного припухла. Его что, комар укусил?

Примечание автора:

Фу Линцзюнь: ж-ж-ж?

<http://bllate.org/book/17032/1645091>